

Подготовка новых научно-педагогических кадров в Татарстане в 1920-е гг.

Н.Ф. Фахрутдинов

Важными условиями полноценного развития системы высшего образования и науки являются постоянное самовоспроизводство новых научно-педагогических кадров, поддержание необходимого соотношения опытных и начинающих специалистов, сохранение преемственности смены научных поколений. В связи с тем, что проблема кадров в вузах и научных учреждениях является актуальной и в современных условиях, представляется полезным и интересным обратиться к опыту 1920-х годов, когда происходило складывание советской системы подготовки научно-педагогических работников.

В начале 1920-х годов вузы Казани из-за отъезда в другие города страны значительной части ученых (многие покинули город в 1918 г. вместе с «учредилловцами») испытывали острый недостаток научно-педагогических кадров, что отрицательно сказывалось на ходе всей учебной и научно-исследовательской работы. Дополнительные трудности были связаны с процессом расширения сети вузов в Казани, начавшимся в первые послереволюционные годы. В первую очередь новые учебные заведения столкнулись с кадровыми проблемами. Несмотря на широкое распространение совместительства, многие кафедры оставались вакантными, специалистов, способных или желающих их возглавить, не было.

Выходом из сложившейся ситуации стало упразднение части вузов путем их закрытия или слияния нескольких учебных заведений. Так, малочисленность квалифицированных профессорско-преподавательских сил стала одной из причин закрытия в 1924 г. по постановлению Главпрофобра Наркомпроса РСФСР Казанского политехнического института. В том же году на его базе был открыт Казанский индустриальный техникум повышенного типа. В августе 1922 года Высший институт народного

образования (ВИНО), Восточная Академия и факультет общественных наук (ФОН) Казанского университета были слиты в один вуз - Восточно-педагогический институт (ВПИ).

Первоначально одним из основных путей решения кадровой проблемы для вузов страны стала подготовка новых научно-педагогических работников через сохранившийся от дореволюционной высшей школы институт профессорских стипендиатов. Прежде выпускники университетов, изъявившие желание заниматься научной и педагогической деятельностью, по выбору и рекомендации профессоров зачислялись на срок от двух до трех лет профессорскими стипендиатами «для подготовки к профессорскому званию». В течение этого времени они должны были сдать специальные магистерские экзамены, после чего могли получить одно-двухгодичную командировку в заграничные научные центры для прохождения необходимой стажировки. Кандидаты на профессорские должности должны были последовательно защитить магистерские и докторские диссертации по избранной специальности. Срок подготовки магистерской диссертации обычно составлял 5-7 лет, а докторской – 10-12 лет (Галкин К.Т., 1958. С.50.). Такая система позволяла российским университетам готовить новые научно-педагогические кадры в основном своими силами и за счет собственных выпускников.

В первые послереволюционные годы основной контингент оставленных для приготовления к профессорскому званию комплектовался из студентов дореволюционного приема, среди которых отбирались наиболее способные и талантливые, сумевшие проявить себя в период учебы. Одним из первых выпускников института профессорских стипендиатов в Казанском университете был известный советский историк-марксист С.П.Пионтковский. В декабре 1917 г. он сдал магистерский экзамен по русской истории, а в марте 1918 г. – по политэкономии. Тогда же совет историко-филологического факультета еще на год продлил ему срок пребывания в университете для подготовки к профессорскому званию

(Литвин А.Л., 1994. С.108.). С 1919 по 1921 год профессорским стипендиатом был ученик профессора Н.Н.Фирсова Г.С.Губайдуллин, который позднее стал первым профессором-историком из татар. В июле 1919 года по предложению профессора Н.Н.Парфентьева при кафедре математики был оставлен П.А.Широков, уже в то время показавший глубокие познания в области неевклидовой геометрии и написавший сочинение, удостоенное золотой медали. В 1921 году на кафедре русской истории была оставлена М.В.Нечкина, которая еще в 1919 году, будучи студенткой третьего курса, написала работу на тему «Приложение теории экономического материализма к объяснению русской истории в трудах русских ученых». Став профессорским стипендиатом, М.В.Нечкина продолжила работу над этой темой, и в 1922 г. в Казани вышла ее первая книга «Русская история в освещении экономического материализма (историографический аспект)». Таким образом, можно утверждать, что в числе первых советских профессорских стипендиатов университета оказались достойные кандидатуры для научной смены, выбор их научных руководителей был правильным и вполне оправданным.

Определить точное количество профессорских стипендиатов довольно проблематично, поскольку различные источники называют разные цифры. Так, по сведениям Ш.Х.Чанбарисова в Казанском университете к началу 1920/1921 учебного года на всех факультетах было оставлено 33 профессорских стипендиата (Чанбарисов Ш.Х., 1974. С.358.). По данным Л.В.Ивановой в 1921 году для подготовки к научной и преподавательской деятельности было оставлено 27 человек (Иванова Л.В., 1968. С.87.). По архивным источникам на 1 апреля 1922 года в университете числилось всего 17 профессорских стипендиатов (НА РТ, Ф.1337, оп.1, д.73, л.30.). Приведенные данные наглядно свидетельствуют о постепенном сокращении количества стипендиатов, что, видимо, в первую очередь, было связано с тяжелыми материально-бытовыми условиями начала 20-х гг. в республике.

Профессорские стипендиаты работали под руководством профессоров по специальным программам. По окончании срока обучения они должны были прочитать две пробные лекции: одну – по теме, предложенной факультетом, другую – по теме, избранной самостоятельно. С 1921-1922 г. лица, оставляемые для подготовки к научно-педагогической деятельности стали называться научными сотрудниками II разряда.

В 1922 году в университете начинается замена «классово-буржуазного отбора научных сотрудников, производившегося до сих пор профессурой, классово-пролетарским отбором» (Корбут М.К., 1930. С.319.). На факультетах был проведен отбор среди выпускников университета в профессорские стипендиаты и ординатуру. В созданных для этой цели комиссиях разгорелась острая борьба относительно критериев отбора кандидатов. Профессура выдвинула предложение об отборе кандидатов путем факультетской баллотировки, но оно было отвергнуто. В итоге при кафедрах были оставлены 23 человека, в том числе – В.А.Яблоков, Л.Н.Парфентьев, Г.В.Домрачев, А.М.Алексеев, в ординатуру из подавших заявление 92 человек были приняты лишь 30 (История Казанского государственного университета, 1954. С.139.).

Подобная же система подготовки новых кадров в начале 1920-х гг. применялась в Восточно-педагогическом институте. В 1922 году здесь для научной работы были оставлены 9 человек. Трое из них, пройдя необходимую подготовку, стали самостоятельными преподавателями вузов Казани. В их числе был выпускник факультета общественных наук Казанского университета историк М.К.Корбут, обучавшийся на кафедре марксизма и политэкономии. Хотя официально научными руководителями М.К.Корбута считались профессора В.Т.Дитякин и Ю.Н.Фармаковский, фактически, по его собственному утверждению, он все время работал под руководством В.В.Адоратского. Еще в студенческие годы под его руководством М.К.Корбут написал первую научную статью «Производственные силы и их роль в обществе» (Сальникова А.А., 2003.

С.118.). В 1923 году на кафедре методики географии ВПИ был оставлен Н.-Б.З.Векслин, который в начале 1930-х гг. стал ректором КГУ.

Система «оставления» при кафедрах, не имея планового и организованного характера, не могла в достаточной степени удовлетворить растущие потребности вузов, особенно молодых, в профессорско-преподавательских кадрах. Как отмечает Б.Д.Лебин, еще «не были сформулированы требования к лицам, оставляемым для подготовки к научной деятельности, порядок их академической и идеологической подготовки. Не ясно было, чем должна завершиться их подготовка» (Лебин Б.Д., 1966. С.23.). Поэтому был продолжен поиск более эффективных форм подготовки квалифицированной научной смены.

Одновременно принимались меры по подготовке марксистских кадров преподавателей, прежде всего по общественным дисциплинам. Для этого была создана сеть специальных, сугубо партийных учебных заведений: Социалистическая академия общественных наук (1918 г.), позднее переименованная в Коммунистическую академию, Институт красной профессуры (1921 г.), коммунистические университеты (1919-1921 гг.) и др. Однако, понятно, что в 20-е годы в достаточной степени обеспечить все остальные вузы страны новыми кадрами, удовлетворяющими с партийной и классовой точек зрения, они еще не могли. Так, первый выпуск института красной профессуры, состоявшийся в 1924 г., составил всего 52 человека (Главацкий М.Е., Чуфаров В.Г, 1974. С.41.). Открытый в 1922 году в Казани Татарский коммунистический университет, находясь в ведении Главполитпросвета РСФСР, готовил в основном не научные кадры, а работников для советских и партийных органов ТАССР и других республик с тюркским населением.

В 1925 году после того, как Наркомпрос РСФСР разработал и утвердил «Положение о порядке подготовки научных работников при высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях», в стране была введена аспирантура как единая форма подбора и подготовки новых

научных и научно-педагогических кадров. Срок обучения в аспирантуре, по Положению, устанавливался в три года. Остаться аспирантом сверх этого срока можно было лишь в исключительных случаях, с разрешения ГУСа. Задача аспирантов заключалась в углублении знаний по избранной специальности, освоении методики и методологии исследовательской работы, обязательном изучении иностранных языков и общественного минимума, установленного ГУСом. Кроме того, аспиранты должны были пройти ассистентскую практику в вузе под руководством профессора и выполнить научное исследование на тему, утвержденную президиумом факультета. Ежегодно аспиранты должны были предоставлять отчеты о проделанной работе. Программа научной и педагогической работы аспирантов, списки тем и материалов и другие практические задания по специальности составлялись предметными комиссиями вузов, после чего сообщались в Наркомпрос (Галкин К.Т., 1958. С.91.). По окончании подготовки аспирант в открытом заседании предметной комиссии или совета вуза защищал итоги своей научной работы. Лица, успешно завершившие подготовку, получали право преподавания в вузах или работы в научно-исследовательских учреждениях.

Общее руководство делом подготовки научных кадров Наркомпрос РСФСР возложил на Государственный ученый совет (ГУС). Для этого при нем была создана постоянная Комиссия по подготовке научных работников, которая распределяла государственные ассигнования, определяла вузы и научно-исследовательские учреждения, в которых могла быть открыта аспирантура, утверждала кандидатуры аспирантов и контролировала ход их подготовки (Лебин Б.Д. 1966, С.26.).

Прием в аспирантуру вузов производили отборочные комиссии, в состав которых в соответствии с указаниями ГУСа входили ректор, деканы соответствующих факультетов и представители общественных организаций. Данные комиссии рассматривали кандидатуры, представляемые предметными комиссиями вузов. При этом не исключалась возможность

подачи индивидуальных заявлений со стороны желающих поступить в аспирантуру. В выдвижении кандидатов в аспирантуру также активное участие принимали партийные, комсомольские и профсоюзные организации вузов, которые, наряду со способностями, учитывали социальное происхождение кандидатов. Предпочтение в первую очередь отдавалось лицам рабоче-крестьянского происхождения, что полностью соответствовало проводившейся политике «пролетаризации» высшей школы и аспирантуры, которая должна была способствовать ускоренному обновлению социального состава интеллигенции вообще, и ее научно-педагогического отряда в частности.

Однако в первые годы после своего введения аспирантура еще не была в состоянии не только быстро и кардинально изменить социальный состав научно-педагогических кадров Татарстана, но и сколь либо заметно увеличить их количество. В первую очередь это было связано с малочисленностью аспирантов в вузах Казани. Так, в докладной записке ректора Госплану ТАССР о состоянии университета на 1 марта 1926 года отмечалось, что «в отношении подготовки новых научных работников Казанский государственный университет находится в критическом положении». В это время в КГУ имелось всего 6 штатных аспирантских мест, которые все были замещены (Культурное строительство, 1971. С.267.). На 1 сентября 1927 года в университете насчитывалось 16 аспирантов (1 был сверхштатным) (Казанский государственный университет, 1927. С.19.), на 1 октября 1928 года – 20 (Казанский государственный университет, 1928. С.20.). Из этих данных видно, что рост численности аспирантов в КГУ происходил невысокими темпами.

В остальных казанских вузах ситуация была схожей. В институте сельского хозяйства и лесоводства в течение 1926 года в аспирантуру было зачислено всего лишь три человека - Дворецкий М.Л., Печникова С.С., Ходжаев К.А., в 1927-1928 учебном году еще два - Анцыфров Н.А. и Пайбердин М.В.(Казанский институт сельского хозяйства и лесоводства,

1928. С.134.). В ветеринарном институте в 1925-1926 гг. обучалось 5 аспирантов – Емекеев П.В., Заверткин Д.И., Зуйкова Е.А., Любимов М.П., Руфимский Н.П. (Ученые записки, 1926. 289.). Для сравнения: в МГУ в 1926 г. насчитывалось 229 аспирантов (Дергачева Л.Д.,1989. С.31.). Доля аспирантуры МГУ относительно всех университетов страны в 1927 г. составляла 61%, в 1929 г. – 55% (Дергачева Л.Д., 1989. С.30). Как видим, в этот период масштабы подготовки новых научных кадров в вузах Казани и Москвы были трудно сопоставимы.

До 1930 года в Казани аспирантура имела только в университете, ветеринарном институте и институте сельского хозяйства и лесоводства. Восточно-педагогический институт по каким-то причинам, несмотря на неоднократные обращения руководства в ГУС, права на подготовку научно-педагогических кадров через аспирантуру не получил. Вполне очевидно, что данное обстоятельство не могло не обеспокоить местные власти, так как ВПИ в 1920-е гг. играл ведущую роль в подготовке национальных кадров и поэтому занимал особое место среди других вузов Казани. В июле 1926 года одно из заседаний секретариата Татарского обкома ВКП (б) было посвящено обсуждению вопроса о работе ВПИ. В принятом по его итогам постановлении говорилось о необходимости «...усилить работу по созданию собственных профессорско-преподавательских кадров», «...добиваться права на оставление научных сотрудников при ВПИ по педагогическим, общественным и восточным дисциплинам, в особенности для татар и нацмен» (Казанский государственный педагогический институт,1974. С.65.). Это решение не было единичным. В принятом 4 июня 1926 года постановлении секретариата Татарского обкома ВКП (б) о подготовке научных работников из татар, наряду с целым рядом других мер, также предлагалось «добиться в Главпрофобре РСФСР немедленного разрешения на оставление при Восточно-педагогическом институте аспирантов» (Культурное строительство, 1971. С.279.). Однако каких-либо ощутимых

результатов эти решения не принесли, открытие аспирантуры при ВПИ затянулось на несколько лет.

Важно отметить, что данный институт в то время являлся единственным педагогическим вузом в РСФСР, выпускавшим учительские кадры для школ всего региона Поволжья и Приуралья. В 1925-1926 учебном году в ВПИ на базе прежнего отделения востоковедения были открыты самостоятельные татарское и чувашское национально-лингвистические отделения. В следующем учебном году в составе института работали уже четыре национальных отделения языка и культуры – татарское, чувашское, марийское и вотское (удмуртское). Фактически ВПИ обслуживал Татарскую, Чувашскую, Башкирскую, Казахскую республики, Марийскую и Вотскую автономные области, то есть территорию площадью примерно в 25 тыс. км² и с населением около 12,5 млн. человек (ЦГА ИПД РТ, Ф.15, оп.2, д.173, л.21.). При этом институт не имел полностью укомплектованного штата собственных сотрудников. Так, в 1926 г. из 80 человек профессорско-преподавательского состава 26, т.е. фактически 1/3, являлись совместителями (Культурное строительство, 1971. С.270.). Поэтому возможность готовить необходимые научно-педагогические кадры собственными силами имела для ВПИ немаловажное значение.

Несмотря на то, что институту не удалось сразу добиться права на открытие аспирантуры, руководство вуза предприняло ряд практических шагов к решению проблемы подготовки молодых научных работников. В марте 1926 г. Правление ВПИ по инициативе ректора С.П.Сингалевича приняло положение об институте ассистентов-практикантов, по которому из числа студентов старших курсов отбирались лица, имеющие склонность к научной работе. Работа ассистентов-практикантов продолжалась до окончания института и велась под руководством профессоров или доцентов. Ассистенты-практиканты самостоятельно занимались научно-исследовательской работой по избранной специальности, руководили студенческими кружками, привлекались к оказанию несложной

консультативной помощи студентам и учителям школ. Все это должно было помочь им подготовиться к вузовской преподавательской работе. В 1925-1926 учебном году насчитывалось 12 ассистентов-практикантов, из которых 6 представляли общественно-экономическое отделение, 4 – литературно-лингвистическое отделение, 2 – педагого-методическую комиссию (ЦГА ИПД РТ, Ф.15, оп.2, д.173, л.29.). В следующем учебном году численность ассистентов-практикантов значительно увеличилась, достигнув 43 человек. В числе ассистентов-практикантов второй половины 20-х гг. можно отметить Е.А.Грачева, Е.С.Гинзбург, Е.И.Медведева, Е.Д.Румянцева, Л.И.Вараксину, Р.Ш.Тагирова, В.И.Адо.

Еще в 1923 г. в ВПИ был создан кабинет по изучению марксизма, который вошел в состав Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Заведующим кабинетом был назначен профессор В.Т.Дитякин. В задачи кабинета среди прочего входила подготовка преподавателей по общественным наукам. Однако в первые два года существования кабинет марксизма из-за отсутствия средств и затянувшегося организационного периода не смог добиться реальных результатов.

Весной 1926 г. при кабинете была организована группа из 9 выпускников, которые готовились к научно-исследовательской работе. Каждый член группы имел тему для исследования, в основном по теории и истории марксизма. Подготовленные работы обсуждались на специальных заседаниях, в которых принимали участие преподаватели общественных дисциплин вузов Казани, партработники, студенты ВПИ и ТКУ (Казанский государственный педагогический институт, 1974. С.66.).

Большое внимание проблеме подготовки молодой научной смены уделялось в ветеринарном институте. Здесь кафедры периодически привлекали к научно-исследовательской работе наиболее талантливых и перспективных студентов. Для того чтобы упорядочить этот процесс в 1924-1925 учебном году в КВИ был создан институт студентов-практикантов при

кафедрах. Наиболее активно студенты-практиканты проявляли себя в ветеринарно-зоотехническом студенческом кружке, организованном в 1923 г. под руководством профессора Л.С.Сапожникова. Члены этого кружка проводили научные заседания, диспуты, выпускали специальный журнал «Ветеринарно-зоотехнический кружок». В 1926 – 1927 учебном году кружок объединял 125 членов. В течение года было проведено 10 общих собраний с проработкой 12 научных тем и 2 экскурсии (Отчет, 1928. С.18.).

Деятельность ветеринарного института по вовлечению студентов в научно-исследовательскую работу оказалась достаточно эффективной. В декабре 1925 года эти достижения, по докладу ректора института профессора К.Г.Боля, были отмечены на заседании ГУСа, который рекомендовал всем вузам страны использовать опыт КВИ (Студенцов А.П., Сабин И.М., 1956. С.140.). Таким образом, можно утверждать, что инициативы Казанского ветеринарного института и, отчасти, Восточно-педагогического института опередили решение ГУСа о создании в вузах института студентов-выдвиженцев, которое было принято в ноябре 1926 года.

В Положении об институте студентов-выдвиженцев отмечалось, что «планомерное пополнение кадра научных работников вузов не может быть достаточно хорошо проведено без предварительного выдвижения марксистски подготовленных студентов и предоставления последним фактической возможности готовиться к научной работе» (Цит. по: Галкин К.Т., 1958. С.93.). В соответствии с этим положением выдвиженцы отбирались из числа академически успевающих студентов последних двух курсов, преимущественно из рабочих и крестьян. Им предоставлялась возможность более углубленно изучать избранную специальность под руководством профессора или доцента. Студенты-выдвиженцы имели преимущества в обеспечении стипендиями и пользовании библиотекой.

В конце учебного года каждый студент-выдвиженец должен был предоставить в предметную комиссию доклад по своей теме с отзывом

руководителя. Положительная оценка давала возможность продолжить работу в течение следующего учебного года. После успешного окончания вуза студенты-выдвиженцы имели преимущественное право поступления в аспирантуру.

Появление в вузах системы выдвиженчества в определенной степени было закономерным, так как она позволяла не только приобщать перспективных студентов к научно-исследовательской деятельности, но и более эффективно регулировать социальный состав начинающих научных работников.

Институт студентов-выдвиженцев как форма подготовки необходимого контингента для аспирантуры постепенно получил широкое распространение. В 1927 г. в вузах Казани насчитывалось 166 студентов-выдвиженцев. Из них русских было подавляющее большинство – 120 человек (72%), татар – 22 (13.4%), студентов других национальностей – 24 (14.6%) (ЦГА ИПД РТ Ф.15, оп. 2, д.587, л.99.).

Однако не во всех вузах процесс выдвиженчества происходил гладко. Так, 3 февраля 1927 года состоялось собрание заведующих учебно-вспомогательными учреждениями физико-математического факультета Казанского университета под председательством декана проф. А.М.Васильева, на котором обсуждались правила ГУСа о студентах-выдвиженцах. Собрание вынесло неодобрительное решение, посчитав, что «институт с педагогической точки зрения неудовлетворителен ... и невыполним. Особенности же учебного плана физико-математического факультета указывают, что учебные цели, преследуемые выдвиженчеством, достигаются в настоящее время без формального проведения этого института» (История Казанского государственного университета, 1954. С.166.). Против студентов-выдвиженцев также высказалась зоологическая предметная комиссия физмата. На медицинском же факультете новация была воспринята более спокойно. Здесь 28 января 1927 года для отбора студентов-выдвиженцев в аспирантуру постановлением Ученого Совета была

создана специальная комиссия из пяти человек, в состав которой вошли заместитель декана доц. В.Н.Воробьев, проф. А.Н.Миславский, проф. В.В.Чирковский, студент Инюшкин и председатель профкома медсантруд (История Казанского государственного университета, 1954. С.165.).

Необходимо отметить, что Казанский университет, являясь старейшим вузом края, к этому времени уже имел давние и прочные традиции студенческой научно-исследовательской работы. Еще до революции в 1910 г. здесь возник студенческий кружок «Любители природы». В 1920-1922 гг. были изданы два выпуска трудов этого кружка. Члены кружка систематически проводили летние экспедиции в разные районы Поволжья. Также активно в университете развивалась деятельность медицинского, физико-математического и географического кружков. Медицинский студенческий кружок насчитывал в 1928/29 учебном году 427 человек. А физико-математический кружок объединял студентов всех вузов Казани. Студенты приобретали в этих кружках необходимые навыки самостоятельной научно-исследовательской работы и вносили определенный вклад в научную работу кафедр. Многие из них стали в дальнейшем научными работниками и преподавателями университета и других вузов и научно-исследовательских учреждений.

Важное место в процессе подготовки и совершенствования новых научных кадров играли научные командировки за границу. Однако такая практика, сложившаяся еще до революции, в казанских вузах не получила широкого распространения. Лишь с конца 20-х гг. наиболее талантливые представители научной молодежи Казани получили возможность прохождения стажировки в ведущих центрах мировой науки, что оказывало сильное воздействие на их профессиональное становление.

В марте 1929 г. ВСНХ СССР предоставил одному из первых аспирантов КГУ Н.Г.Четаеву одногодичную командировку в Германию для работы в Геттингенском университете. В течение отведенного срока командировки он знакомился здесь с передовой для того времени

аэродинамической школой Л.Прандтля, продолжая вместе с тем свои исследования по устойчивости движения. В марте 1930 года Н.Г.Четаев вернулся в Казань и сразу же был утвержден доцентом, а уже в сентябре того же года его в неполные 28 лет утвердили профессором на кафедре механики (Рассказы, 1983. С.44.).

В январе 1929 г. заграничную командировку в Германию получил один из первых татарских химиков Г.Камай, обучавшийся в аспирантуре КГУ под руководством профессора А.Е.Арбузова. До 1 сентября 1930 г. он работал в Тюбингенском химическом институте в лаборатории профессора Я.Мезенгеймера. После возвращения в Казань Г.Камай был утвержден доцентом КГУ и КХТИ, назначен заместителем директора КГУ. В октябре 1931 г. его избирают профессором КГУ и КХТИ. Г.Камай оказался в числе тех немногих первых молодых татарских ученых, которым удалось сделать столь быструю научную карьеру.

Следует отметить, что в 20-е гг. проблема подготовки новых научных кадров из татар стояла очень остро. Большое внимание этому вопросу уделялось Академцентром Татнаркомпроса. В сентябре 1925 г. в честь 200-летия Академии наук СССР СНК ТАССР были учреждены две стипендии для повышения квалификации молодых ученых Татарской республики. Эти стипендии были назначены Нигмату Хакиму (языковеду) и Салиху Курбангалееву (медику). Ежемесячно им выдавалось по 100 руб. В 1926 г. Академцентр командировал Г.Алпарова и Х.Бадьги в Ленинградский Восточный институт для повышения квалификации в области тюркологии. Кроме того, Академцентр оказывал материальную помощь аспирантам татарам, обучавшимся как в самой Казани, так и в Москве и Ленинграде. В 1925 – 1926 гг. небольшие субсидии выделялись студенческим научным кружкам в Казани – физико-математическому (100 руб.), татарскому медицинскому (150 руб.) и кружку «Любителей природы» (300 руб.) (НА РТ, Ф.3682, оп.1, д.1170, л.58.).

Таким образом, на протяжении 1920-х гг. проблема новых научно-педагогических кадров решалась различными путями. Важным событием этого периода стало введение аспирантуры. В дальнейшем аспирантура, постепенно набирая опыт, развиваясь и совершенствуясь, стала основным источником подготовки кадров для системы высшего образования и науки.

Источники и литература

- Галкин К.Т.* Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. – М.: Советская наука, 1958.
- Главацкий М.Е., Чуфаров В.Г.* О формировании научно-педагогической интеллигенции в СССР// Из истории советской интеллигенции. – Новосибирск: Наука, 1974.
- Дергачева Л.Д.* Социальный портрет аспирантуры Московского университета 20-х – середины 30-х гг.// Вестник МГУ. – Серия 8, история. – 1989. - №1.
- Иванова Л.В.* У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов. 1917-1929 гг.). – М.: Мысль, 1968.
- История Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-Ленина (материалы к обсуждению)/Под общ. ред. Д.Я.Мартынова.* – Казань: Татполиграф, 1954.
- Казанский государственный педагогический институт// Ученые записки КГПИ.* – 1974. – Вып. 132.
- Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина в 1926-1927 учеб. году.* – Казань, 1927.
- Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина в 1927-1928 учеб. году.* – Казань, 1928.
- Казанский институт сельского хозяйства и лесоводства. 1927-1928 год// Известия КИСХИЛ.* – Казань, 1928.
- Корбут М.К.* Казанский государственный университет имени В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет. – Казань: Б.и., 1930. – Т.2.
- Культурное строительство в Татарии.1917-1941. Сборник документов и материалов.* – Казань: Тат. кн. изд-во, 1971.
- Лебин Б.Д.* Подбор, подготовка и аттестация научных кадров в СССР. – М.-Л.: Наука, 1966.
- Литвин А.Л.* Без права на мысль. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1994.
- Отчет Казанского государственного ветеринарного института за 1926 – 27 уч. год// Ученые записки КГВИ.* – 1928. – Т.38. – Выпуск 1.

Рассказы о казанских ученых. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1983.

Сальникова А.А. Становление советской системы исторического образования. 1917 г. – конец 1930-х годов // Астафьев В.В., Галиуллина Д.М., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете. – Казань: Изд-во. Казан. ун-та, 2003. – С.118.

Студенцов А.П., Сабин И.М. Казанский государственный ветеринарный институт имени Н.Э.Баумана (1873-1953) // Ученые записки КГВИ. – 1956. – Т.63.

Ученые записки КГВИ. – 1926. – Т.37. – Вып.1.

Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы (1917-1938 гг.). – Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1974.